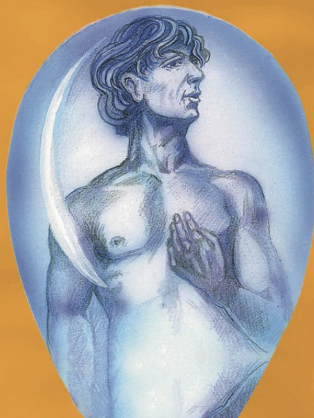

Nabokov Prize Library

ANATOLY IZOTOV
MAGDALENA GALAXY

Анатолий Александрович Изотов
Галактика Магдалена.
Встреча в поднебесье
Серия «Галактика Магдалена», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489057

*Галактика Магдалена. Книга первая "Встреча в поднебесье": СУПЕР
Издательство; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-907137-36-3*

Аннотация

«Галактика Магдалена» – это история о нелегкой и счастливой судьбе двух влюбленных сердец, бьющихся по разные стороны «Железного Занавеса» – чудовищного порождения холодной войны XX века. Эта нелепость разделила мир на два враждующих лагеря и заставила человечество несколько десятков лет балансировать на грани термоядерной катастрофы, в которой могла погибнуть наша цивилизация. Герои романа противопоставляют действительности лишь любовь, понимание и красоту – вечные ценности, которые существуют и спасают независимо от времени и местоположения на баррикаде.

Яна, дочь писателя, профессиональный редактор

Содержание

Анатолий Изотов	5
Встреча в поднебесье	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Изотов

Галактика Магдалена.

Встреча в поднебесье

© Анатолий Изотов, 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

*** * ***

*Библиотека Премии Набокова
на английском языке*

Анатолий Изотов

Родился летом 1940 года в Калужской области.

Первое и самое яркое путешествие состоялось осенью 1944 года, когда семья переезжала из г. Горшечное в Крым. Мы плелись в товарном вагоне, с длительными остановками, повсюду виднелись горы разбитой военной техники и всякого железа, а на станциях мальчишки высыпали гурьбой из вагонов и старшие катали младших на танковых башнях, которые раскручивали, толкая стволы орудий.

А потом был чудесный осенний Крым. Мы жили в селе Бахчи-Эли (ныне село Богатое), что под Белогорском. Но страсть к путешествиям, видимо заложенная в меня предками, манила далеко за его пределы, и я, обследовал вначале ближайшие окрестности, а потом, вплоть до окончания школы, пешком, на велосипеде и на попутном транспорте, – весь Крымский полуостров. И убедился, что это самое прекрасное место на земле. В этом чудном пространстве прошли мои счастливые годы детства и юности.

В Богатовской речке я научился плавать, и вскоре вода стала моей праздничной стихией. Переплыв в шестнадцать лет Керченский пролив, я на всю жизнь увлекся преодолением водных преград. (Мой последний серьезный заплыв состоялся в 2000 году, когда я в одиночку переплыл африканскую реку Нигер вблизи города Аджоакуты).

Но юность закончилась, и, поработав год в Донбассе, в 1959 году я поступил в Новочеркасский политехнический

институт (НПИ), что бы приобрести специальность инженера – гидрогеолога. За время учебы мне посчастливилось продолжить мое путешествие по огромной стране. После окончания института в 1964 году, я попал по распределению в главное ведомство атомной промышленности СССР – Министерство Среднего Машиностроения. Оттуда был направлен в Узбекистан, на закрытое уранодобывающее предприятие, базирующееся в пустыне Кызыл – Кум (г. Уч-Кудук), где в течение десяти лет обеспечивал дренажные работы на рудниках и карьерах, занимался подземным выщелачиванием урана и добычей пресной воды для питьевых нужд города. Там я прошел высшую производственную практику горного инженера – гидрогеолога и начал заниматься научными исследованиями. Гордостью моей работы стало освоение глубоких месторождений, залегающих в сложных гидрогеологических условиях, и чудесное озеро в Уч-Кудуке на базе дренажных вод, построенное по моему проекту, которое украсило раскаленные пески Кызыл – кумов и превратило окрестности городка в замечательную зону отдыха.

Потом, как опытный специалист, я был откомандирован в Чехословакию в качестве советского консультанта по оказанию технической помощи уранодобывающему предприятию Гамр, что в Северной Чехии. Эта командировка растянулась на десять лет.

Начав свою деятельность в Чехии, я понял, что в Уч-Кудуке готовился к освоению именно этих месторождений, по-

этому быстро вписался в коллектив чешских специалистов, в производственный и творческий процесс, и начал шаг за шагом успешно решать поставленные задачи. Достаточно сказать, что разработанные с моим чешским коллегой защитные системы рудников от подземных вод обеспечили на десятилетие безаварийную эксплуатацию шахт и деятельность всего горнорудного комплекса. Чешское руководство высоко оценило мою работу, наградив орденом Трудового Красного знамени ЧССР. По чешской тематике я защитил во МГРИ кандидатскую диссертацию. За годы работы в ЧССР я освоил чешский язык, закончил автошколу, и на своем транспорте исколесил вдоль и поперек необыкновенно красивую, приветливую и чрезвычайно разно ландшафтную страну.

После Чехословакии проработал более тридцати лет в институте ВИОГЕМ г. Белгород, дослужившись до главного инженера. И, начав свою биографию с путешествия, должен сказать, что по служебным делам, то есть, благодаря своей профессии, я расширил границы познания мира, побывав в таких странах, как Нигерия и Чад в Африке, США (Западная Виргиния и Атланта), Вьетнам, Кампучия, Израиль, государства Центральной и Восточной Европы... И каждое место, пройденное мной на этой земле, так или иначе, оставило след в моем литературном творчестве.

В настоящее время являюсь консультантом института ВИОГЕМ, и состою в интернациональном Союзе писателей.

Встреча в поднебесье

Находясь в длительной заграничной командировке в Чехословакии в качестве советского консультанта, я закончил учебу в заочной аспирантуре при Московском геологоразведочном институте и написал кандидатскую диссертацию. Случилось так, что мне поздно сообщили дату ее защиты, и я мог попасть в Москву в назначенный срок только самолетом.

В бюро путешествий «Čedok» города Либереца, в котором я жил, билетов на нужный рейс не оказалось, и я поехал попытать счастье в Праге. Руководитель нашего коллектива, которого я должен был ставить в известность о поездке в другой город, сказал, что это пустая затея, и, действительно, в пражской кассе подтвердили его прогноз, но симпатичная кассирша, видимо, не умевшая огорчать людей, попыталась меня обнадежить: мол, приходите к вечеру, возможно, освободятся забронированные места. Я дождался вечера и получил радостное подтверждение: имеется одно свободное место на утренний рейс Прага-Москва в салоне первого класса, правда, стоила эта радость на полторы тысячи крон дороже. За неимением выбора, мне пришлось почерпнуть валюту из своих «непредвиденных расходов», превысивших за последний год почти в два раза мой официальный заработок.

На следующее утро, за два часа до вылета, я был в пражском аэропорту и вскоре услышал объявление о начале реги-

страции пассажиров на московский рейс. Получив посадочный талон, я направился к стойке бара, что бы выпить пиво. Вдруг ко мне подошел советский летчик и представился, как командир корабля, на котором мы будем лететь в Москву. Он помялся, а потом спросил:

– Вы не могли бы уступить свое место, то есть поменять его на общий салон? Мне надо посадить группу из Соединенных Штатов, и вот, не получается. Я Вам гарантирую наилучшее обслуживание и в общем салоне...

Такой неожиданный вопрос меня смутил, и я твердо решил отказать, потому что никогда не летал в салоне первого класса и заплатил за него почти половину своей заграничной зарплаты, но с языка сорвался совершенно противоположный ответ:

– О чем речь? Мне все равно где лететь, лишь бы быть во время в Москве.

– Хорошо, – обрадовался летчик – я подойду к Вам во время посадки, и мы поменяем места. Большое спасибо.

Оставшись один, я некоторое время испытывал чувство гордости за свой красивый жест, однако настроение испортилось: «Надо же, так не повезло. Один раз в жизни выпала возможность полететь по-человечески, и ее увели у меня из-под носа. Ну почему я не отказал? Откуда такая мягкотелость? Подумаешь, летят американцы! Чем я хуже их? Для меня полторы тысячи крон не такая уж малая сумма, чтобы дарить ее иностранцам. Наверно, стоит найти летчи-

ка и сказать, что я передумал». Но потом сам себе возразил: «Нет, нельзя быть этакой непоследовательной барышней, ты же мужчина, и дал слово».

Почувствовав, что завожусь, я постарался себя успокоить: «Надо быть джентльменом. Предположим, ты по слабости характера не отказал нахалу, но раз так, держи свое лицо и не опускайся до его уровня. Действительно, для тебя главное вовремя прибыть в Москву. Самолет один и тот же и лететь-то всего несколько часов. Деньги заплачены за скорость, а не какую-то фиктивную роскошь, так что утомонись».

Я подошел к стойке, выпил пиво и, в ожидании его благодатного воздействия, стал настраивать себя на радужные мысли: «Наконец, закончена аспирантура, и вот, преодолев бюрократию высшего пилотажа со сбором справок, оформлением документов, отзывов, публикаций и пр. я подошел к последней черте, и уже не вернусь к этим бумагам никогда, как бы не прошла защита. А она должна пройти только успешно. И стоит ли расстраиваться перед важным событием в своей жизни из-за какой-то чепухи, вроде улучшенного места в самолете, когда с дипломом кандидата технических наук открываются широкие перспективы?».

Минут через пять после объявления о начале посадки в самолет, меня нашел тот самый летчик и сказал:

– Извините за беспокойство, все утряслось, и Вы можете занять свое законное место.

– Не стоит извинения, лучше приходите в гости, – ответил

я бодрым голосом.

– Хорошо, спасибо, – промямлил летчик и удалился.

Салон первого класса оказался уютной отдельной кабиной. Я сунул в нишу пиджак и сумку и уселся в кресло. Пришла стюардесса Ирина, объяснила, где что находится, рассказала, сколько времени, и по какому маршруту мы будем лететь, какая в Москве погода. Самолет еще не набрал высоту, а она появилась снова и предложила выбрать закуски, напитки, фрукты. Я заказал черную икру, холодную телятину, бифштекс, грузинское вино, коньяк, апельсины, яблоки, и когда все это оказалось на столе, подумал: «Как хорошо, что я не поддался глупой слабости и не стал мельтешить перед летчиком! Теперь могу принять его смело и с чистой совестью. Все-таки приятно ощущать себя порядочным человеком».

Утолив голод и жажду, я дал волю пространным рассуждениям о вкусовых качествах вин, чтобы больше не думать о предстоящей защите, и забылся.

Дрему прервал стук в дверь, – вошел командир корабля. Его звали Геннадий. Мы выпили за знакомство, и между нами завязался обычный разговор двух русских, встретившихся за рубежом. Геннадий упомянул о туристах из США, сказав, что было бы неплохо пригласить их сюда. Я поддержал его мысль, хотя не представлял, как в таком маленьком салоне разместится целая группа. Потом вспомнил, что по регламенту я не имею право вступать в контакт с иностранца-

ми, «кроме тех, которые определены служебными обязанностями», и засомневался, но отступать было некуда.

Летчик вышел, и почти тут же Ирина вкатила дополнительный столик, принесла раскладные стульчики и на высшем уровне сервировала новый стол.

Иностранных туристов оказалось трое: два худеньких старичка – Адам и Майкл, и женщина примерно моего возраста, Магдалена, – она чуть дольше положенного задержала на мне взгляд, и, как будто в оправдание этому, лицо ее озарилось искрящейся улыбкой. Я восторженно: меня обдало приятным теплом, которое, показалось, я уже ощущал раньше, но не мог сразу вспомнить, когда и где. Мое тело вдруг наполнилось необъяснимой радостью и ожиданием чего-то хорошего. Захотелось быть веселым, беспечным и добродушным... Однако почти каждодневная моральная муштра о повышенной бдительности советского человека за рубежом не прошла даром: я стал искать причину столь бурного всплеска эмоций. Конечно, она крылась в принятии спиртного, и я чуть было ни начал корить себя за свое поведение. Все же, немного поразмыслив, решил: пусть события развиваются своим ходом, но без перебора с алкоголем.

Летчик возвратился и на немой вопрос, а кто, собственно, ведет воздушный корабль? Ответил: «Пока за меня работает второй пилот, я побуду с вами».

Ни я, ни Геннадий не владели английским языком. С помощью Ирины мы поговорили с иностранцами несколько

минут о всякой ерунде, касающейся в основном выпивки. Мне казалось, летчику есть что сказать – иначе, зачем было собирать компанию? А у него на лице застыла напряженная улыбка, и в словах, и действиях улавливалось стремление опорожнить все то, что стояло на столе, и разойтись. Четырех тоста, произнесенные им подряд за Россию, Америку, дружбу и женщин, были встречены с улыбкой, но без особого энтузиазма. После ухода стюардессы и вовсе наступило неловкое молчание. Мы еще раз подняли рюмки и тем, казалось, исчерпали все возможности для общения.

Положение спасла гостья, обратившись почему-то ко мне на немецком языке:

– Entschuldigen Sie bitte! Sprechen Sie Deutsch?

– Ja, ein bisshen...

– Sher gut! Im diesem Fall werden wir zusammen das Gespräch dolmetschen.

– Wunderschön! Solche Zusammenarbeit gefällt mir sehr.¹

Но вначале разговор все равно не клеился. Оказавшись в роле переводчика, я вопросительно смотрел на Геннадия, – мол, говори – буду переводить! Он молчал.

Вдруг мне стало жутко при мысли, что вот сейчас запрещенные гости уйдут, а я так и останусь в долгу перед молодой женщиной, которая зажгла в моей груди яркое, таинствен-

¹ – Извините, пожалуйста! Вы говорите по-немецки?– Да. Немного...– Очень хорошо! Нам представился случай поработать вместе в роле переводчиков.– Великолепно! Такая работа с Вами мне по душе. (нем. – перевод Автора)

ное пламя. Нет, этого допустить нельзя! Конечно, следовало бы поговорить о чем-нибудь американском, но ничего путного, кроме убийства Джона Кеннеди и истребления американцами в начале двадцатого века странствующего голубя, я вспомнить не мог. О современной Америке я слышал и читал много, но поднять конкретную тему мне было не под силу, поэтому мысли упорно возвращались к эпохе моей юности, когда меня завораживал хриплый голос и задушевные мелодии трубы Луи Армстронга, радовали красочные фильмы «Америка глазами француза», «Разноэтажная Америка» и прелестные рассказы Хемингуэя... Но особым открытием стала тогда для меня американская поэзия. Я зачитывался стихами Ленгстона Хьюза, Аллена Гинсберга, Джеймса Дикки, Энды Сент-Винсент Миллей... А так как память моя имеет свойства впитывать поэтические строчки, словно губка, и держать их в неизменном виде десятилетиями, то я помнил почти все, что тогда мне удалось прочитать. И меня осенило: американская поэзия – вот о чем я могу говорить легко и раскованно! Ближе всех мне было творчество чернокожего Хьюза, наверно, потому, что мой друг Коля открыл поэта раньше меня и великолепно читал его стихи со сцены, и даже – на английском языке. Знатоки утверждали, что у Коли безукоризненное американское произношение, а он всегда отшучивался, говоря, что любовь к этому языку привила ему бабушка, возвратившаяся на старости лет из Гонолулу в милый сердцу Саратов. От Коли я перенимал манеру

исполнения нескольких стихотворений и мог воспроизвести их без запинки.

Сознание того, что рядом находятся богатые белые капиталисты, которым, скорее всего, нет дела до негритоса, воспевающего Гарлем, не поколебало моей решимости начать с Хьюза – это показалось более приемлемым, чем нести с умным лицом всякую ахинею.

– А как господа относятся к американской поэзии? – спросил я.

– Положительно – громко ответила женщина, а за ней утвердительно кивнули мужчины (правда, при этом на их лицах появилась такая настороженность, как если бы я предложил им спеть Гимн Советского Союза).

Я рассказал кое-что об американской поэзии и более подробно – о Хьюзе – как познакомился с его книгами, чем привлекло меня его творчество. И, не дожидаясь комментариев, прочитал на английском стихотворение о девчонках Гарлема. Я выговаривал слова и слоги, точь-в-точь, как Колю учила бабушка с Гавайских островов, а он – меня... Явно шокированные гости дружно захлопали в ладоши, а Майкл выразил удивление:

– Вы совсем не знаете английского языка?

– Нет, – ответил я.

– Вы порадовали меня! Жаль, что эти строки не могут принести Вам столько удовольствия, сколько мне, потому что, в отличие от песен, у которых мелодия не требует пере-

вода, стихи, прежде всего, – игра слов и мыслей именно того языка, на котором они написаны. Думаю, что только удачный перевод на русский вдохновил Вас выучить текст в оригинале. Откуда такое хорошее произношение?

Из моего краткого объяснения, он едва ли уловил хитро-сплетения поэзии, моих друзей и их родственников, но спросил, почему меня так заинтересовали гарлемские девочки. Я ответил, что дело не в них, хотя, судя по описанию поэта, они обворожительны, а в поэзии, и в подтверждение сего постулата прочитал второе стихотворение – и снова успешно.

Майкл еще долго восторгался, потом крепко пожал мне руку и высказал пожелание послушать те же стихи на русском языке, дабы получить более широкое представление об их интернациональном звучании, и тем самым дважды насладиться поэзией...

«Это просто необходимо!» – подхватила его мысль Магдалена.

Услыхав первые строчки: «Дверь на замок! Я буду смешить вас. Дверь на замок! Я буду смеяться», Геннадий вскочил с места, чем вызвал дружный смех. А я продолжал во всю глотку, опять подражая Коле – чтецу, который слыл лучшим артистом института: «Я крикну – эй, если выпью воды, эй-эй, если выпью пива! Но дайте мне виски, и я, – эй-эй-эй – стану совсем счастливым. Если ты можешь, парень, блюзы шпарить всю ночь напролет? Если ты можешь, парень, блюзы шпарить всю ночь напролет? То давай, играй с нами, по-

ка ум за разум не зайдет. Не важно, как ты будешь играть, – все равно я буду петь под музыку твою, ты только сыграй, а я тебе подпою. Потому что эй – я кричу от воды, эй-эй – кричу от пива, но дайте мне виски, и я, – эй-эй-эй – стану совсем счастливым!»

После моего чтения наступила общая раскованность, и слово взял Адам. Он рассказал, что в молодости долгое время работал полицейским на севере Канады и по долгу службы изучал язык одного из малых народов. Разговорную речь ему удалось освоить без особого труда, а вот глубину и красоту народного эпоса он смог оценить, только тогда, когда стал мыслить на том языке. А это значит: мне просто необходимо в совершенстве овладеть английским. Я ответил, что если Магдалена согласится быть моей учительницей, успех гарантирован. Она улыбнулась и легонько коснулась моего локтя.

Затем я снова читал, потом все незаметно перешли к разговору об известных советских и американских фильмах, нашли точки соприкосновения в современных мировых событиях, и застольная беседа потекла свободно и раскованно. Я узнал, что иностранцы совершают почти кругосветное путешествие, и наша страна занимает большую часть их маршрута. В Москве они побудут всего несколько дней, оттуда полетят в Сибирь, переплывут Байкал, заберутся в тайгу, посетят некоторые заповедники и другие интересные места.

Геннадий шепнул мне, что за одну путевку американцы

платят больше десяти тысяч долларов, а вслух начал расхваливать свой край и приглашал всех к себе. Я тоже не скромничал и рекомендовал в следующем их турне заглянуть в Среднюю Азию, о которой говорил пространно и возвышенно.

Услыхав, что я жил в пустыне, Магдалена предложила называть ее просто Магда, перейти на «ты» и выпить за земляков, так как сама родом из пустыни, что на юге Штатов. Я поцеловал ее руку в знак согласия, а она спросила:

– Ты долго жил в Кызыл-Кумах?

– Двенадцать лет.

– А когда оттуда уехал?

– Три года назад.

– Значит, твоя родина не там?

– В Подмосковье.

– И ты хорошо знаешь пустыню?

– Думаю неплохо. По долгу службы я исколесил вдоль и поперек Центральные Кызыл-Кумы, изучал их недра, буксовал в зыбучих песках, браконьерствовал, стреляя кабанов и джейранов, ел черепах, купался в соленых озерах, глушил рыбу в Джанадарье, переболел холерой, проектировал и строил ирригационные сооружения, загорал под лучами весеннего солнца, изнывал от адской жары...

– Поэтому ты такой смуглый, как я?

– От природы: в моем роду есть примесь татаро-монгольской крови, как у многих русских.

– Но у нас очень похожа по цвету и структуре кожа – посмотри!

Она приблизила ко мне локоть, и я увидел кожу, действительно подобную моей. Правда, более нежную и шелковистую, покрытую ровным весенним загаром, без сеточки проступающих вен, мелких шрамов и синих букв – свидетельств моих неудачных упражнений по татуировке с помощью иглы и жженой резины... Мое внимание привлекли и кисти ее рук, по форме, может, и схожие с моими, но они были на несколько микронов уже, и этого хватало, чтобы придать им женственную красоту. Прямые и в меру длинные пальцы, чуть-чуть суженные у кончиков, с аккуратными складочками на изгибах фаланг отличались большей подвижностью, мягкостью и гибкостью. Их венчали розовые ногти с ярко выраженными, белыми-пребелыми сегментами у основания и светлыми дужками на вершине. Кисть плавно смыкалась с предплечьем и, рука, казалось, изгибается вместе с лучезапястным суставом, который почти не выступал под кожей. Я давно заметил: обладательницы красивых рук, равно, как и красивых волос, уделяют особое внимание этим частям своего тела. Магда с ее ухоженными и элегантными руками, видимо, не составляла исключение...

– Нет, не похожа, – сказал я после долгой паузы.

– Ты так внимательно смотрел на мои руки, будто собирался по ним гадать.

– Я ими любовался – у меня особое отношение к женским

рукам. А гадание у нас не в почете.

– Как и фрейдизм?

– Да, хотя мне повезло: в Чехословакии, входившей некогда в состав Австро-Венгрии, я отыскивал самые, что ни на есть, первоисточники трудов Фрейда. К сожалению, читать текст без специальной подготовки сложно и нудно, поэтому я не сделал больших открытий, познакомившись с некоторыми из них. Но нашел то, что хотел: подтверждение своим суждениям о роли любви в жизни человека.

– Мне тоже не сразу удалось осилить его труды, несмотря на то, что я окончила специальные курсы по психологии и психиатрии и изучала Альфреда Кинзи.

– Мне незнакомо это имя.

– Кинзи – наш ученый-сексолог, он внес огромный вклад в изучение нормальной сексуальности современного человека... Мне очень хочется услышать твое мнение, то есть твою точку зрения на любовь.

Я замялся, потом решил сказать так, как думаю, и ответил:

– Я не специалист по психиатрии и сексологии, поэтому могу исходить только из собственных соображений, на уровне моей подготовки, и скажу не об учении Фрейда, а о своих взглядах, подтверждение которым нашел, может ошибочно, в его книгах.

– Постараюсь понять, как бы сложно ты не говорил, – мягко произнесла она.

– Это совсем просто. Я считаю любовь одной из основных движущих сил в деяниях людей, хотя б потому, что она существенно отличается от любви животных. Человек превратил любовь из простой функции продолжения рода в сложный комплекс душевных и телесных наслаждений, потребных ему, как хлеб, на протяжении всей жизни. По этому признаку в моем толковании человек отличается от животного тем, что может размножаться и имитировать размножение в любое время года и суток, на свободе, в неволе, во время катастроф и стихийных бедствий, при любой погоде. Любовные влечения чаще бывают бессознательными, но они во многом определяют ближайшие и долговременные планы человека. Это вовсе не значит, что на поведение людей и определенные стороны их жизни не влияют другие чувства, такие как властолюбие, страх, тщеславие и тому подобное. Но во многих стремлениях, продиктованных этими чувствами, уже заложено расширение любовных возможностей. Этому имеется немало исторических примеров, высказываний знаменитых мудрецов, поэтов, политиков, но лучше просто оглядеться, и убедиться на примере какого-нибудь конкретного *homo sapiens*. Я не верю, что любовью можно управлять – это чепуха. Когда она на исходе – да, но это уже другая тема. Что касается мнения Фрейда о стадиях психосексуального развития, то в моем детстве все так и было... Я бы мог развернуть эту тему, потому что очень хорошо помню свое детство и верю в формирование личности с внутри-

утробного возраста. И еще, я твердо знаю: можно полюбить даже призрак... Извини за такое длинное рассуждение, – мы коснулись темы, в дебрях которой можно ходить кругами до бесконечности.

Я посмотрел на соседей – они бойко говорили о чем-то своем, а Магда, будто не заметила моего взгляда в их сторону, и так ответила на мою длинную речь:

– Я в восторге от услышанного. Ты по-своему пришел к интересным умозаклучениям, логичным, последовательным и верным. И, хотя фрейдизм трактуется несколько иначе, главный смысл твоих рассуждений, думаю, понравился бы автору. И нет ничего удивительного в том, что при таком подходе к любви, ты понял другие его мысли и закрепил их, анализируя свои ранние чувства и ощущения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.